

Глава 1

Двенадцатый год правления под девизом Чунъюань клонился к закату. Глубокая осень окрасила дворцовые покои в багрянец и золото, и когда после завершения утреннего совета чиновники в своих пурпурных одеждах разошлись, залы озарились прощальным, ослепительно-янтарным блеском уходящего солнца.

— Ваше Величество, старый раб в истинном смятении! — Сановник Чжоу Цимин, министр кадров, простерся ниц в главном зале дворца Ясного Покоя, и слезы градом катились по его морщинистому лицу.

Тридцатилетний император, не отрываясь от свитка, лишь слегка повел бровью. Его взгляд, бездонно-черный и пронзительный, таил в себе невозмутимое спокойствие. Еще до того, как Государь успел проронить хоть слово, рыдания министра сами собой поутихли.

— Встань, — бесстрастно обронил Цзи Су.

Чжоу Цимин не посмел ослушаться. Он медленно поднялся, оставаясь в глубоком поклоне; глаза его были долу — он не смел лицезреть небесный лик.

— О чем кручина? — последовал вопрос.

Министр, сглотнув слезы, пролепетал:

— Мой непутевый сын... он по скудоумию своему оскорбил Его Высочество князя Жуя. Старый раб не смеет роптать, но мальчик еще так юн, он... он совсем еще...

— Что же он? — вкрадчиво уточнил Государь.

Сановник внезапно застыл, кожей ощутив на себе взор императора. Он слишком хорошо помнил, что Его Величество никогда не отличался мягким нравом. В годы борьбы за трон его руки были по локоть в крови, и лишь с возрастом он стал милосерднее — по крайней мере, внешне. Было бы верхом безумия надеяться, что прошлые заслуги позволят безнаказанно испытывать его терпение.

Чжоу Цимин вновь рухнул на колени, едва не коснувшись лбом пола.

— Старый раб не смеет лгать Вашему Величеству! Мальчишка сам не ведает, чем прогневал князя Жуя. Его Высочество — плоть от плоти императорского дома, его поступки не могут быть ошибочными. Но я, презренный, собрав в кулак остатки дерзости, молю Государя о милости... Сын не обучен — отец в ответе. Вся вина на мне. Я готов сам понести кару перед князем Жуюм, лишь бы он смилоствивился над моим единственным наследником!

— Жуй бесчинствует не первый день, — Цзи Су отложил свиток и коснулся пальцами чайного столика. — Стоило ли тревожить Нас из-за подобных пустяков?

Гунгун Цинси, стоявший подле, почтительно улыбнулся:

— До старого раба тоже дошли слухи... Маленький князь изволил переломить сыну сановника ногу. Немудрено, что сановник Чжоу не находит себе места от тревоги.

— Переломил ногу? — Государь перевел взгляд на евнуха. Тот едва заметно кивнул:

— Старый раб не посмел бы вводить Ваше Величество в заблуждение.

Сломанная кость — дело нешуточное. Если срастется дурно, о карьере при дворе юноше можно забыть навсегда. У министра было двое сыновей: старший пал за отечество, остался лишь этот, младший. Становилось ясно, почему старик, презрев запреты, примчался в личные покои императора, где тот редко принимал просителей.

Цзи Су небрежно махнул рукой:

— Мы услышали тебя.

Сановник замялся, желая добавить что-то еще, но Гунгун Цинси вовремя сделал шаг вперед, перерезая ему путь, и указал на выход:

— Господин Чжоу, прошу вас.

Министр осекся, поспешно поклонился и попятился к дверям. Оказавшись за порогом, он с надеждой взглянул на евнуха:

— Гунгун, как же так?..

Цинси лишь покачал головой:

— Государь сказал, что услышал, значит — решение будет принято. Негоже вам проявлять настырность. Кто такой князь Жуй и кто вы? Если станете давить и дальше, чего доброго, решите, будто Его Величество должен перед вами извиняться?

Сановник побледнел и замахал руками:

— Помилуйте, и в мыслях не было! Благодарю за науку, гунгун!

Цинси усмехнулся. В этот момент из зала скорым шагом вышел молодой евнух — Сяо Чжо, его ученик.

— Наставник, — поклонился он. — Государь повелел: пригласить князя Жуя во дворец.

Цинси многозначительно посмотрел на министра. Тот, удовлетворенно кивнув, наконец удалился. Евнух поправил хвост из конского волоса на своей метёлке-фучэнь и обратился к ученику:

— Раз получил приказ, чего стоишь? Живо за маленьким князем!

— Слушаюсь! Я мигом! Наставник, возвращайтесь к Его Величеству! — Сяо Чжо уже готов был сорваться с места, но Цинси окликнул его:

— Погоди!

— Будут еще указания? — притормозил тот.

Цинси коснулся его рукава рукоятью фучэни:

— Ты только начал служить при Государе, не вздумай опростоволоситься, иначе и я тебя не спасу. Слушай внимательно: император сказал «пригласить». Вежливо и со всем почтением препроводи Его Высочество во дворец... И вот еще что: сначала сделай крюк и загляни в Цинсюаньвэй.

Цинсюаньвэй — Лазурная Гвардия, личные телохранители императорской семьи, подчинявшиеся лишь верховному приказу. Сяо Чжо мгновенно смекнул, к чему клонит наставник, и растворился в тени коридоров.

***

— Генерал Ван, жми! Вспори брюхо этой паршивой Пушке!

— Пушка, вперед! Не дрейфь!

Воздух огласил пронзительный крик. Иссиня-черный петух с ярко-желтым гребнем начал сдавать позиции. Его противник, расфуфыренный красавец в разноцветных перьях, азартно захлопал крыльями, притискивая Генерала Вана к углу загородки. Секунда — и он нанесет смертельный удар в уязвимое место. Грозный воитель, еще недавно вызывавший трепет, теперь лишь жалко вжимался в прутья забора, не смея шевельнуться.

Исход схватки был предрешен. Толпа молодых повес взорвалась хохотом и свистом; кто-то аплодировал, кто-кто отборно сквернословил. Хозяином Генерала Вана был юноша в одеждах лимонного цвета, чей лоб украшала лента с куском отборного нефрита. Миловидное лицо его сейчас было искажено гримасой брезгливого раздражения.

— Лю Эр, — поддразнил его кто-то из толпы, — твой Генерал Ван теперь может забыть о титуле непобедимого! Ха-ха!

Лю Эр топнул ногой, выходя из себя:

— Да если бы он вчера не объелся какой-то дряни, разве бы он проиграл сегодня?!

— Э нет, друг, уговор дороже денег! Проиграл — плати! Верно я говорю? — Эти слова вызвали бурю одобрения среди золотой молодежи.

Лю Эр покраснел до корней волос и выкрикнул:

— Так не пойдет! Вот подлечу Генерала, и тогда повторим!

— Ты сам поставил своего Генерала на кон, — подал голос юноша в алых одеждах, небрежно поправляя складки халата. — Раз проиграл — птица больше не твоя. С чем ты выйдешь против меня в следующий раз?

Все взгляды обратились к нему. Зрители, вспомнив условия сделки, покатались со смеху:

— И то правда, Лю Эр! Твой петух теперь принадлежит Его Высочеству. На что играть будешь? Неужто сам в круг выйдешь? Думаю, князь не откажется на это посмотреть!

Раздался дружный гогот. Алый всадник — князь Жуй — весело прищурился. Его облик был ярким и обжигающим, словно всполох лесного пожара, а крошечная родинка под нижней губой приподнималась в такт его дерзкой улыбке.

— Почему бы и нет? — подхватил он. — Я возражать не стану.

Смех вспыхнул с новой силой. Генерала Вана уже подхватили под крылья люди князя, и Лю Эр кинулся было наперерез, надеясь выторговать любимца обратно, но толпа вдруг расступилась. В круг вошел внутренний распорядитель в зеленом одеянии, а за его спиной замерли четверо воинов в глухих черных мундирах.

Гунгун Чжо отвесил князю глубокий поклон:

— Ваше Высочество, имеется воля Государя. Вас просят немедленно прибыть во дворец.

Цзи Вэйцю замер. Сердце предательски екнуло. С тех пор как в шестнадцать лет он покинул дворец и обзавелся собственной усадьбой, старший брат крайне редко вызывал его к себе с глазу на глаз. Если честно, виделись они лишь по большим праздникам, когда вся императорская родня собиралась за одним столом, или изредка сталкивались в покоях их матушки, вдовствующей императрицы.

Вэйцю всё понимал. Брат занят, на его плечах — судьба Поднебесной. Быть императором — сомнительное удовольствие. Его Величество встает ни свет ни заря, а ложится за полночь — раньше петухов вскакивает, позже псов засыпает. Вэйцю порой искренне удивлялся, как брат еще не упал замертво от истощения. Видно, спасали императорские снадобья да дежурившие у постели лекари.

Но личный вызов... Это не предвещало ничего хорошего.

«Стоп, — осенило его. — Неужто из-за того подонка Чжоу Эра?»

Вэйцю знал, что погорячился, когда ломал тому ногу, но думал, что всё обойдется. А этот мерзавец, выходит, побежал жаловаться родителям?

Цзи Вэйцю почувствовал, как почва уходит из-под ног. Он уже прикидывал, как бы половчее отделаться от посланников и дать дёру, но взгляд его упал на четырех гвардейцев Цинсюаньвэй за спиной евнуха. План побега рассыпался в прах. Против Лазурной Гвардии не попрешь. Теперь у него было два пути: либо войти во дворец самому, сохранив остатки достоинства, либо быть доставленным туда тюком. Поза и степень комфорта при транспортировке зависели исключительно от его готовности сопротивляться.

Сяо Чжо служил в покоях императора всего несколько месяцев. Если бы не невероятная удача и покровительство Цинси, ему бы в жизни не видать дворца Ясного Покоя. Сейчас он украдкой разглядывал князя Жуя. До него доходили слухи, что Его Высочество — пропащий человек, повеса и самодур, не знающий границ в своей наглости... Но перед ним стоял юноша, чей облик лучился ослепительным благородством.

«Те, кто зовет его бездельником, верно, никогда не видели его воочию», — подумал евнух.

Теперь он понял, почему наставник подчеркнул слово «пригласить». Обычно Государь использовал приказной тон — «повелеваю явиться». Даже для канцлера Гу Юньхэ не делалось исключений... Но зачем тогда Лазурная Гвардия? Неужели кто-то смел противиться воле императора? Неужто этот юноша и впрямь мог развернуться и уйти, наплевав на призыв брата?

Сяо Чжо отвел взгляд и стал еще более подобострастным. При дворе шептались, будто император терпит младшего брата лишь из уважения к вдовствующей императрице, а на деле

давно его презирает. Теперь Сяо Чжо понимал: эти сплетни не просто лживы, они смертельно опасны для тех, кто в них верит.

Когда паланкин князя остановился у ворот дворца Ясного Покоя, навстречу ему поспешил сам Цинси. Лицо старого евнуха сияло радушной улыбкой:

— Ох, маленький князь, наконец-то вы здесь! Государь уже заждался!

Вэйцю оперся на предложенную руку, легко спрыгнул на землю и, по-свойски приобняв старика за плечо, заговорщицки зашептал:

— Гунгун, вы лично меня встречаете? Ну же, не томите, в каком настроении мой августейший брат? Неужто позвал меня, чтобы задать взбучку?

Цинси ответил без тени смущения:

— Вы попали в самую точку, Ваше Высочество. Сегодня вам лучше быть пайнкой и во всем соглашаться с Его Величеством. Старый раб уже отправил человечка в дворец Милосердного Спокойствия...

Вэйцю похолодел. Дело — дрянь. Если Цинси решил задействовать матушку в качестве тяжелой артиллерии, значит, брат в ярости. Сегодня без порки может и не обойтись.

Шедший следом Сяо Чжо едва дышал от страха.

«Разве можно так говорить?! — пронеслось в его голове. — Прямо вот так, не таясь! Хоть бы голос понизили! Одной этой фразы хватит, чтобы наставник лишился головы!»

У дверей зала Цинси остановился и сделал приглашающий жест. Вэйцю горько усмехнулся и, напустив на себя самый несчастный вид, переступил порог.

В глубине зала, у самого окна, он увидел высокую, стройную фигуру. Человек обернулся на шум шагов. Его взгляд, спокойный и властный, в сочетании с неземной, почти божественной красотой, обдал Вэйцю ледяным холодом.

Князь невольно восхитился статью и величием брата.

«Всё такой же, — подумал он. — Красив, слов нет, но от этой красоты веет невыносимой тяжестью бытия. Один взгляд — и хочется пасть ниц, пока не выкосили весь твой род под корень».

Вэйцю искренне не понимал, как сановники терпят это каждый день. Жить под таким гнетом — сомнительное удовольствие. Впрочем, работа есть работа, везде приходится прогибаться.

Он низко склонил голову:

— Покорный брат приветствует Ваше Величество.

По заведенному порядку сейчас должно было последовать дозволение подняться, приглашение сесть и чашка чая, чтобы он мог перевести дух перед тем, как на него обрушится императорский гнев.

«А может, — мелькнула шальная мысль, — пропустить формальности и сразу начать каяться?»

Вэйцю вздохнул. Нет, если он начнет юлить сейчас, точно побьют. А если будет тише воды, ниже травы — глядишь, и пронесет.

Всё-таки, в глубине души, он был тем еще трусом.

<http://bllate.org/book/16115/1580418>